

наши дни? В чем специфика современной постановки этой проблемы и почему столь силен сегодня антиреализм? Для ответа на эти вопросы мы и обратились к творчеству Патнэма, для которого тема реализма образует "стержень" его философских исследований. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно лишь взглянуть на заголовки его основных трудов: "Сознание, язык и реальность" ("Mind, Language and Reality", 1975), "Реализм и разум" ("Realism and Reason", 1983), "Многоликость реализма" ("The Many Faces of Realism", 1987), "Репрезентация и реальность" ("Representation and Reality", 1989), "Реализм с человеческим лицом" ("Realism with a Human Face", 1992) и т.д. Стремление сформулировать позицию, которая, с одной стороны, сохраняла бы наши реалистические интуиции, а с другой — учитывала бы современный уровень философского осмысления ключевых проблем человеческого бытия и познания, является главным импульсом, определяющим направление философских поисков Патнэма. О том, насколько труден этот поиск и насколько последователен Патнэм в своей решимости "провести корабль реализма" между "Сциллой" догматизма и "Харибдой" релятивизма, говорит то многообразие концепций, которые он выдвигал и отстаивал в разные периоды своего творчества: "научный реализм", "внутренний реализм", "реализм с маленькой буквы", "естественный реализм" и т.д. Поэтому работа о философских взглядах Патнэма должна быть прежде всего работой о реализме. Именно это соображение и послужило основой для настоящего исследования, где реализм выбран нами в качестве связующей темы в творчестве Патнэма и одновременно в качестве главного двигателя в его творческой эволюции.

Биография Патнэма не богата событиями. Он родился в 1926 году в семье известного переводчика. В 1961—1965 гг. работал профессором Массачусетского технологического института, а с 1965 года и по настоящий день является профессором Гарвардского университета. На этом фоне

интеллектуальная жизнь Патнэма выглядит несравнимо более насыщенной и интересной. Он автор огромного числа философских трудов; ему принадлежит честь создания ряда философских концепций; его отличает высокое мастерство построения изощренных философских аргументов; у него прочная репутация блестящего оппонента и энергичного участника современных философских дискуссий.

В то же время Патнэм-философ обладает рядом особенностей, которые позволяют предположить, что в его творчестве как в зеркале отразились многие драматические коллизии, достижения и отступления, переживаемые современным философским реализмом. Поэтому знакомство с исследованиями Патнэма по проблеме реализма дает и некоторое представление об общем состоянии этой проблемы в современной англо-американской аналитической философии. Именно эти особенности патнэмовской манеры философствования позволяют многим видеть в нем сходство с Берtrandом Расселом.

Так, согласно Джону Пассмору, "Патнэм обладает расселовской способностью менять убеждения в результате обучения у своих современников"². Такого же мнения придерживается и известный американский философ Ричард Рорти, который отмечает, что "среди современных аналитических философов Патнэм в наибольшей степени похож на Рассела – не только пытливостью ума и готовностью менять свои взгляды, но и широтой своих интересов и размахом своих социальных и этических изысканий"³. В этих довольно ироничных высказываниях тем не менее схвачены очень важные черты Патнэма-философа.

Действительно, спектр философских и научных интересов Патнэма чрезвычайно широк и включает исследования по философским проблемам математики, физики и квантовой механики, исследования по методологии науки и философии языка, разработку проблем логики, философии сознания и этики. Патнэм рассуждает о природе мате-

матических истин и защищает реализм против номинализма и конвенционализма в математике. Он стремится осмыслить такой важный аспект научного познания, как пересмотр научных теорий и истин и пытается согласовать его с научным реализмом. Патнэм критикует бихевиоризм и отстаивает функционализм в решении психофизической проблемы. Он является автором новой концепции референции и страстным критиком традиционной теории значения. Он рассуждает об истине и рациональности, анализирует понятие объективности человеческого знания и критикует метафизический реализм и релятивизм. Он размышляет о природе философских проблем и о судьбах философии в XX веке. Он анализирует проблемы философии восприятия и опровергает антиреализм. Это перечисление можно было бы продолжить и дальше, но сказанного достаточно, чтобы признать многогранность и широту творчества Патнэма и понять, насколько хорошо он знает всю "палитру" современных философских изысканий.

Нельзя отрицать и того факта, что Патнэм постоянно "генерирует" новые решения, объявляя свои прежние позиции недостаточно удовлетворительными. У многих критиков эта его склонность менять взгляды вызывает сильное раздражение; они называют Патнэма "движущейся мишенью" и объясняют этим его "недосягаемость" для критики. Пассмор ссылается на существующее мнение, что писать "о философии Патнэма все равно что пытаться поймать ветер рыболовной сетью"⁴. Для многих стремления Патнэма выработать более гибкую и адекватную концепцию реализма выглядят не более чем бесконечным метанием между реализмом и антиреализмом, свидетельствующих о неспособности сохранять убеждения перед лицом новых веяний. Патнэм действительно очень чутко относится ко всему новому, что появляется в философии, но стоит ли за этой его открытостью некритичное и беспринципное отношение? На его восприимчивость к новому можно посмотреть и

иначе, как это делает, к примеру, известный немецкий исследователь современной философии Вольфганг Штегмюллер. По его мнению, "соединение разнообразных черт, столь удачное, сколь и исключительное, определило центральное положение Патнэма в интеллектуальных дискуссиях современного англоязычного мира. Главной среди этих черт является его безошибочное чутье на то, что в необозримом многообразии современных дискуссий имеет подлинную ценность, чутье, которое сочетается у него со способностью в такой манере подойти к проблемам, что это неизменно обещает продвинуть нашу мысль в некотором новом направлении"⁵. Джеймс Конант, ссылающийся во *Введении* к книге Патнэма "Реализм с человеческим лицом" на это высказывание Штегмюллера, добавляет, что Патнэм, будучи философом, далеким от всех зигзагов современной моды, обращает внимание философов на "перегрузки" в наших убеждениях и вбивает клин в трещины наших современных догм, "действуя как сила, которая формирует преобладающую интеллектуальную программу нашего времени, а не просто подстраивается под нее"⁶.

Таким образом, "непостоянство" Патнэма не следует воспринимать как неумение держаться своих философских убеждений. Как и тридцать лет назад, Патнэм убежден в правильности реализма, но сегодня он, безусловно, иначе понимает и саму проблему реализма, и пути ее решения. Как и тридцать лет назад, Патнэм не сомневается, что правильное решение проблемы реализма лежит не на одном из полюсов "объективное-субъективное", "догматизм-релятивизм", а между ними. Но как проложить этот "средний путь", как вырваться из оков указанных дихотомий — подходы к решению этих вопросов, бесспорно, получают разную трактовку в разные периоды творчества Патнэма. Неустанный философский поиск, готовность находить новые решения и признавать неудовлетворительность прежних — все это отличает Патнэма-философа.

Итак, "расселовские черты" Патнэма делают его чрезвычайно удобным для целей изучения современного философского реализма, поскольку благодаря им в творчестве Патнэма, как в капле воды, отражается все то, что составляет существо современного понимания этой фундаментальной и вечной философской проблемы.

В своем исследовании мы выделили три периода в творчестве Патнэма (каждому из которых посвящена отдельная глава). Критерием для этой (в целом условной) периодизации послужили различные трактовки Патнэмом проблемы реализма. Так, в первый период (начало 60-х – середина 70-х годов) Патнэм придерживался "научного реализма"; во второй период (середина 70-х – начало 90-х) он разрабатывал и обосновывал новую концепцию – "внутренний реализм". Третий период, начало которого, видимо, следует отнести к 1993-1994 гг., связан с выдвижением Патнэмом нового варианта "непосредственного реализма", который он назвал (позаимствовав этот термин у У.Джемса) "естественным реализмом". Хотелось бы подчеркнуть, что в основе перехода Патнэма от одной концепции реализма к другой лежит изменение "плоскости" или ракурса рассмотрения этой проблемы. На первом этапе вопрос о реализме связан для Патнэма с проблемой референции, то есть с обоснованием того, что наши слова, и прежде всего научные термины, обозначают реально существующие объекты. "Внутренний реализм", выдвинутый Патнэмом на втором этапе, означал перенесение вопроса о реализме в гносеологическую область, в "плоскость" рассуждений об истине, объективности знания и рациональности. На третьем этапе Патнэм осознает, что центральной для обоснования реализма является проблема восприятия. Сказанное не означает, что вначале Патнэм занимался исключительно философией языка, затем – гносеологией, и в конце – философией сознания. Исследования в этих областях прошли через все его творчество, однако в разные

периоды вопрос о реализме делал одну из них более актуальной, чем другие. Кроме того, с каждым периодом связан и свой "список" философов, идеи которых во многом определяли направление философских изысканий Патнэма. Так, на первом этапе еще очень ощутимо влияние учителей Патнэма – Карнапа и Рейхенбаха, а среди современников Патнэму в наибольшей степени созвучны идеи С.Крипке. С переходом к "внутреннему реализму" начался "кантианский" период в творчестве Патнэма, чему в значительной мере способствовали идеи таких современных философов как М.Даммит и Н.Гудмен. И еще одного философа следует упомянуть – Л.Витгенштейна, влияние идей которого на Патнэма имеет устойчивую тенденцию к возрастанию. Что касается третьего периода, то здесь главными фигурами для Патнэма становятся Дж.Остин, американские прагматисты и в особенности Витгенштейн.

В заключение отметим, что мы не ставим себе задачи защитить или опровергнуть патнэмовское видение проблемы реализма. Мы хотим лишь продемонстрировать на примере одного философа, как понимается и как, с привлечением каких концептуальных средств, решается эта проблема в современной англо-американской философии.

---

¹ Достаточно упомянуть, что в книге известного историка англо-американской философии Джона Пассмора "Современные философы" (*Passmore J. Récent Philosophers. L., 1985*) анализу идей Патнэма отведено одно из главных мест. В определенной мере свидетельством авторитета Патнэма служит и тот факт, что рассмотрением его семантической концепции завершает свое исследование о философии XX века один из "столпов" логического позитивизма Альфред Айер (*Ayer A. Philosophy in the Twentieth Century. L., 1982*), хотя нельзя не отметить, что отношение Айера к этой концепции очень негативное.

- ² *Passmore J.* Recent Philosophers. P. 104.
- ³ Цит. по: *Putnam H.* Realism with a Human Face. Cambridge (Mass.), 1992. P. 317.
- ⁴ *Passmore J.* Recent Philosophers. P. 92.
- ⁵ *Stegmuller W.* Hauptstroemungen der Gegenwartsphilosophie. Bd. II. S. 345 (Цит. по: *Putnam H.* Realism with a Human Face. P. XXXIX).
- ⁶ Ibid.

Глава I

"Научный реализм" Х. Патнэма и проблема значения

1. Защита "научного реализма"

В первые два десятилетия своего творчества (до середины 70-х годов) Х. Патнэм открыто заявлял о себе как стороннике так называемого "научного реализма". В этот период реализм был для него позицией, которую он не подвергал сомнению и которая не была для него предметом глубоких раздумий; свою задачу он видел "не в том, чтобы бить себя в грудь по поводу правильности реализма, а в том, чтобы решать конкретные вопросы в философии науки с определенной реалистической позиции"¹. Большинство его работ, вышедших в это время, были посвящены философским проблемам математики, физики, квантовой механики, космологии; он уделял большое внимание анализу психофизической проблемы, однако для нашего исследования наибольшую актуальность имеют его разработки в области философии языка, поскольку именно здесь были сформулированы его основные аргументы в защиту "научного реализма".

"Научный реализм" – термин, вошедший в философский обиход в середине XX века, однако, не будучи связанным с какой-либо строго определенной и детально разработанной философской доктриной, он выражает общее представление о науке и научных теориях, которое было

преобладающим в западной культуре с конца XVII столетия. По существу он сводится к следующей совокупности утверждений.

1. Человеку противостоит независимый от него объективный мир; причем этот мир не ограничен только материальными объектами, доступными человеческому восприятию, он имеет "глубины и измерения", скрытые от человеческих чувств и познаваемые наукой. Это означает, что постулируемые истинными научными теориями объекты имеют столь же реальное существование, что и предметы нашего непосредственного восприятия, то есть протоны, фотоны, энергетические поля и черные дыры столь же реальны, как турбины, вулканы, потоки воды и т.д. Более того, эти постулируемые объекты и сущности имеют более фундаментальный характер, поскольку они позволяют объяснить наблюдаемые явления и раскрыть их внутренние механизмы.

2. Хотя указанная сфера реальности выходит за пределы того, что доступно человеческому восприятию, человек может иметь точную и надежную информацию о ней благодаря науке, которая, опираясь на строгие процедуры и методы, раскрывает свойства и характеристики ненаблюдаемых сущностей, тем самым давая истинное знание о них.

3. Цель науки состоит в создании истинной картины мира, изображающей мир таким, каков он есть на самом деле.

Как это ни удивительно, развитие науки в XX веке, и прежде всего создание теории относительности и квантовой механики, поколебали это общее представление о науке. Это связано с тем, что используемый в этих науках сложный математический аппарат позволяет делать точные расчеты и предсказания, но создает огромные трудности при интерпретации исследуемой области в терминах определенных физических сущностей (например, "частиц" или "волн"). Это дало повод для усиления "инструменталистских" представлений о науке, согласно которым научные

теории являются не более как удобными средствами для проведения наблюдений и экспериментов, и их ценность состоит лишь в их предсказательной способности, поэтому вопрос о том, существуют ли постулируемые ими объекты и сущности, не имеет смысла.

В 50–60-е годы ряд философов выступили с критикой инструментализма под общим лозунгом "научного реализма". Так, в философии науки появилось "новое" направление, поставившее своей задачей защиту способности науки давать истинное знание о мире. Философы этого направления разделяли общее убеждение в том, что "физический мир имеет глубины и измерения, для описания которых незаменимы методы образования понятий, характерные для теоретических наук, и для познания которых мы полагаемся на научный метод"². Важная особенность этого направления состоит в том, что оно объединило философов, в наибольшей мере сохранивших "верность" логическому позитивизму, поэтому научный реализм «из всех постпозитивистских течений ... является наиболее "законным" детищем логического позитивизма»³. От своего влиятельного "предка" научный реализм унаследовал прежде всего представление о кумулятивном характере развития научного знания, постепенно приближающегося к истинной картине мира, и традицию переводить философские проблемы в лингвистическую плоскость для решения их средствами логико-семантического анализа.

Когда в начале 60-х годов в западной философии науки возникло новое направление – так называемая "историческая школа", связанная с именами таких философов, как Т.Кун, П.Фейерабенд, Дж.Агасси и др. и выдвинувшая радикальную программу пересмотра основных положений методологической концепции логического эмпиризма, – это неизбежно породило жесткую полемику между сторонниками нового направления и представителями научного реализма. Одним из центральных пунктов этой полемики